

ФЕДОР СОЛОГУБ И ЭСТОНИЯ: ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ

ТАТЬЯНА МИСНИКЕВИЧ

Федор Сологуб неоднократно бывал в Эстонии, но каких-либо воспоминаний, отражающих его «эстляндские» впечатления, писатель не оставил. Наиболее полные сведения о пребывании Сологуба и его жены Анастасии Николаевны Чеботаревской в Эстонии представлены в воспоминаниях Игоря Северянина: «Сологуб в Эстляндии», «Триолеты Сологуба, написанные им в Тойле» и «Умер в декабре (Памяти Ф. Сологуба)»¹. В очерке «Умер в декабре» Северянин сделал и свое заключение о том, чем стала Эстония для Сологуба как в биографическом, так и в творческом плане:

Я знал, как он любит Тойлу, где провел два лета перед самой войной и где даже домик приобрести намеревался. Я знал, какого высокого мнения был он вообще об эстонцах — мирных, трудолюбивых, врожденно-интеллигентных. Я знал, сколько очаровательных стихов воспринял он в Тойле. И, наконец, знал я, что лучше всего, всего вернее может отдохнуть он, усталый, именно в нашей приморской деревушке, где он был так насыщенно счастлив когда-то с Анастасией Николаевной, своею Малим <...>².

Согласно топографическим пометам в рабочих тетрадях писателя (он фиксировал не только дату, но и нередко место написания того или иного текста), Сологуб и Чеботаревская проводили в Эстонии летние месяцы на протяжении шести лет: с 1909 по 1914 г. Они отдыхали как в Тойла, так и в других курортных поселках на южном берегу Финского залива в районе Усть-Нарвы (Гунгербурга): в Шмецке, Меррекюле, Уд-

¹ См.: *Северянин И.* Сочинения / Сост. С. Исаков, Р. Круус. Таллинн, 1990. С. 384–401.

² Там же. С. 401.

риасе, неоднократно бывали в Силламягах, где отдыхала сестра Ан. Чеботаревской, Александра Николаевна Чеботаревская. Сроки наиболее длительного пребывания в Эстонии — в Тойла можно установить довольно точно: «два лета», о которых упоминает Северянин, продолжались с 26 мая по 6 сентября 1913 г. и с 15 июня по 22 июля 1914 г.

Сологубу и его жене, много путешествовавшим и по России, и по Европе, нравилось отдыхать именно в Эстонии. Анастасия Чеботаревская, оказавшись в Тойла в июне 1914 г., после поездки по Франции, писала сестре, Ольге Николаевне Черносвитовой:

15-го были уже в «Тойле», где васильки и черника должны заменить нам розы и персики Ривьеры, — впрочем, я люблю «контрасты». Погода дивная — все эти 2 недели — жара адская, до 35 градусов, ветра ни малейшего. Здесь в этом году очень людно и потому хуже, но все же мило — просто, просторно³.

Сологуб и Чеботаревская собирались приобрести дом или дачу для летнего отдыха и искали подходящий вариант и в районе Усть-Нарвы⁴. Северянин в очерке «Сологуб в Эстляндии» пишет о планах Сологуба купить дом в Тойла, который он снимал летом 1913 г.: «Как сейчас помню, толстяк Мэгар, хозяин дачи, спрашивал с него восемь тысяч, Сологуб давал только пять. Разошлись из-за трех тысяч. Все же несколько яблонек поэт успел посадить перед окном своей рабочей комнаты»⁵. Кроме того, в архиве Сологуба сохранилось письмо Анастасии Чеботаревской к сестре Александре в Силламяги, в котором она интересуется другим домом: «Саня, в Кануке продается (на границе с Перьяцем)» дача Стамм (или Штам) с фруктовым садом — серая, большая. Если будешь там взгляни»⁶. На это Александра Николаевна отвечала:

³ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 52.

⁴ См.: Письма (82) разных лиц к Сологубу Ф. К., касающиеся найма, покупки дома или дачи. 1907–1915 // РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 50.

⁵ *Северянин И.* Сочинения. С. 384.

⁶ РО ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 173. Л. 27.

Милая Настя. Усадьбу Штамма в дер<евне> Перьяце можно осматривать только до 11 час<ов> (там живут дачники. Осмотреть ее стоит. Дом — чудный, с чудною мебелью, земли много (18 дес<ятин>), но к самому морю не подходит <...>. Дом стоит над оврагом, нельзя сказать чтоб красиво, но все уютно. Не знаю, подойдет ли вам. Это не дача — а скорее хозяйственное имение с полями, ригой, коровником, конюшней, баней, ручьем своим. <...> Если купить землю только вокруг дома и прикупить маленький участок у соседа Ануса к морю, то может выйти, кажется, очень хорошая дача. <...> За все 12 тыс<яч>; один дом 5 тысяч⁷.

По тем или иным причинам покупка этого дома также не состоялась. Последнее пребывание четы Сологубов в Эстонии было прервано началом Первой мировой войны. Больше они в Эстонию не приезжали.

Именно с Эстонией оказывается связанным и стремление Сологуба обрести покой после случившейся в России в октябре 1917 г. катастрофы. 2 марта 1921 г. Северянин писал Сологубу:

Я хотел бы знать о Вас, о А<настасии> Н<иколаевне>. Отчего бы Вам не приехать весною в Тоіла, чтобы уйти в природу, которую Вы так любите? Хотя бы только на лето? А осенью, может быть, поедем вместе в Россию. Я слышал от Витвицкой, что Вы все болеете, поэтому для поправки здоровья хорошо было бы провести лето у моря, лучше питаться, больше гулять. Думаю, Вам дадут легко разрешение на выезд и въезд, т.к. Вы — мирный поэт и никому зла не желаете⁸.

Помощь в попытке выехать из России находившимся на грани физического и психического истощения Сологубу и Чеботаревской оказывал консул Эстонии в Петрограде Альберт Георгиевич Орг. В своих «Поминальных записях об Анастасии Николаевне Чеботаревской» Сологуб отмечал:

⁷ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 310.

⁸ *Северянин И.* Переписка с Федором Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. Л. Н. Ивановой и Т. В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 гг. СПб., 2009. С. 727.

Жилось голодно, когда мы весной 1921 года пошли первый раз в эстонскую миссию. Понесла шитую белую скатерть. Орг не взял, но дал продовольственный пакет. В Летнем Саду раскрыли и стали есть — сыр, печенье. Были рады человеческой пище и человеческому отношению⁹.

В знак симпатии и благодарности Сологуб подарил Оргу экземпляры авторских рукописных сборников стихотворений «Одна любовь» и «Лиза и Колен»¹⁰.

Орг постоянно следил за развитием событий, связанных с выездом Сологуба из России. 15 июня 1921 г. Сологуб получил отказ в разрешении на выезд за границу, а 16 июля Орг писал ему: «Глубокоуважаемый Федор Кузьмич! Получил Вашу записку о постигшей Вас в Москве неудаче. Особенно унывать не следует, что-нибудь придумаем»¹¹.

В письме от 12 сентября 1921 г. Орг радовался за Сологуба, наконец получившего разрешение на выезд:

Глубокоуважаемый Федор Кузьмич! Искренно, от всей души поздравляю с успехом! Дай Бог нам скорее свидеться! Тут для Вас и Анастасии Николаевны все приготовлено: приезжайте спокойно, встретим Вас «Сочтенными днями», поотдохнете, наберетесь сил и обрадуете нас новыми книгами. Разрешение на въезд посылаю Вам сегодня же. Очень прошу Вас сразу же сообщить, когда выезжаете, чтобы мог встретить¹².

Но трагическая гибель Анастасии Чеботаревской 23 сентября 1921 г. не дала возможность реализовать этим планам.

Сердечное отношение к Сологубу Орг проявлял и как издатель его книг. В основанном Оргом летом 1921 г. издательстве

⁹ См.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. ст., публ. и коммент. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 381.

¹⁰ См.: *Сологуб Ф.* Библиографический указатель к стихотворениям // РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 545.

¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 508. Л. 1.

¹² Там же. Л. 3–4.

«Библиофил»¹³ вышло две книги Сологуба: сборник стихов «Небо голубое» и сборник рассказов «Сочтенные дни». В архиве Сологуба сохранилась его переписка с издательством. Все вопросы, связанные с выдачей авторских экземпляров и выплатой гонораров, решались с редкой оперативностью и тактом. 12 апреля 1922 г. сотрудник «Библиофила» Г. Гуткин писал Сологубу:

Мы хотели бы предложить Вам такую комбинацию, при которой Вы, вероятно, не останетесь в накладе. <...> Указанные 30000 марок находятся у нас в Вашем распоряжении. <...> Между прочим, считаем нужным обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что тотчас по отпечатании Вашего сборника издательство перевело в Петроград Ваш гонорар, и деньги находились в течение нескольких месяцев у секретаря эстонской миссии Кергесаара. Обрато мы их получили сравнительно недавно после того, как г. Кергесаар сообщил нам, что Вы все время за ними не заходили¹⁴.

Сологуб оценил проявляемую по отношению к нему заботу и 12 мая 1922 г. писал представителям издательства:

Присланные Вами авторские экземпляры Неба голубого и Сочтенных Дней, по 25 экземпляров, я получил, очень благодарю за посылку. <...> Позвольте обратиться к Вам еще с такою просьбою: в счет моего гонорара, будьте добры, если это Вас не затруднит, прислать мне небольшую продовольственную посылку (сыр, сахар, шоколад или какао). От Альберта Георгиевича я не получал письма. Прошу Вас передать ему следующее: 2 мая было вынута из реки Ждановки тело моей жены Анастасии Николаевны, утонувшей 23 сентября, и 5 мая погребено на Смоленском кладбище в Петрограде. Прошу Альберта Георгиевича принять мою сердечную благодарность за его доброе и внимательное отношение ко мне и к моей жене. С приветом Федор Сологуб¹⁵.

¹³ См.: Круус Р. Из истории таллиннского русского издательства «Библиофил» (1921–1922) // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства: Тезисы сообщений 3-й Всесоюзной научно-практической конференции. Л., 1989. С. 117–120.

¹⁴ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 851. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 4.

А 12 июня 1922 г., окончательно уладив вопрос о гонораре, издатели писали Сологубу о судьбе выпущенных в Ревеле книг:

Что касается вопроса о том, как Ваши книги идут, то можем сообщить, что «Сочтенные дни» расходятся недурно, стихи же не находят большого сбыта. Зарубежная печать встретила их с единодушным восторгом. Но в последние месяцы замечается охлаждение публики к стихотворениям, и это настроение отразилось, конечно, и на сбыте Вашего сборника. В ближайшие дни высылаем Вам небольшую продовольственную посылку, причем сахар в ней заменен шоколадом, так как нам передавали, что за сахар российская таможня взимает очень высокую пошлину, в то время как шоколад, как продукт эстонского происхождения, освобожден от таковой совершенно¹⁶.

Судьбой Сологуба Орг продолжал интересоваться и после того, как контакты писателя с издательством прекратились. В письме 1923 г. он спрашивал А. Ф. Кони, книги которого также издавалась в «Библиофиле»: «Не слышали ли чего-нибудь о судьбе Сологуба; тут циркулируют слухи, что он сошел с ума. Так ли это?»¹⁷.

«Эстонский» текст лирики Сологуба — те «очаровательные стихи», о которых упоминает в своем очерке Северянин — составляет около 120-ти стихотворений, созданных в летние месяцы 1909–1914 гг. Большинство стихотворений было написано летом 1913 г. — 88 текстов. О глубоком интересе к эстонской культуре, истории и быту эстонцев в случае Сологуба, как и в случае Северянина¹⁸, говорить не приходится. В его стихах нашло отражение эмоциональное восприятие природы Эстонии, тихого, хорошо обустроенного быта эстонских курортных мест, где с удовольствием отдыхала русская интеллигенция, находя здесь отдохновение от петербургской и евро-

¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 851. Л. 6.

¹⁷ РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1232. Л. 4.

¹⁸ Подробнее об эстонской теме в творчестве Игоря Северянина см.: *Исаков С. Игорь Северянин и Эстония // Северянин И. Сочинения. С. 5–34.*

пейской суеты. Для Сологуба Эстония стала источником простых земных радостей в общении со строгой северной природой. Так, Анастасия Чеботаревская в июне 1913 г. писала сестре Александре Чеботаревской: «У нас сейчас очень хорошо, погода чудная. <...> Масса полевых цветов, незабудок; гуляем, берем теплые ванны...»¹⁹.

И в стихотворениях Сологуба вырисовывается образ идиллии, пасторально окрашенной, отчасти условной, отчасти наделенной конкретными чертами эстонской природы. Можно найти и подробные зарисовки того или иного уголка Тойла и описания сцен из дачного быта завсегдатаев курорта. Характерный пример — стихотворение, посвященное Александру Тамамшеву, также отдыхавшему летом 1913 г. в Тойла:

Путь над морем вдруг обманет.
Он сползет немного вниз,
И на выступ скал он станет, —
Зеленеющий карниз.

Только с краю, точно срезан,
Ряд уже непрочных плит
С диким скрежетом железа
На морской песок слетит.

Ты замрешь в неловком жесте,
Но за их паденьем вслед
Полетит с тобою вместе
Прыткий твой велосипед²⁰.

В текстах стихотворений Сологуба, имеющих помету «Удриаас», «Шмецке», «Тойла», «Корф», какие-либо этнические и географические отсылки практически отсутствуют, в отличие от стихотворений Северянина, в которых регулярно упоминается «Эстляндия», «Эстия», «Эстония». У Сологуба нашлось всего два стихотворения, в которых есть слова, производные

¹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 173. Л. 24.

²⁰ Сологуб Ф. Собр. соч.: В 20 т. СПб., 1914. Т. XVII. С. 241. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

от слова «Эстония». В одном из них, датированном 14 августа 1911 г., обнаруживается единственное прямое высказывание поэта об эстонцах и эстонском характере. Это неопубликованное стихотворение шуточного содержания, алголагнической тематики; свойственное эстонцам терпение проявляет подвергшаяся порке дочь местного пастора:

Босоногая дочка пастора,
 Девица семнадцати лет,
 Улыбаясь, стоит у забора,
 И на Божий любит свет.

Нынче утром отец ее высек
 За небрежно вымытый пол
 И, стегая, твердил: «Не ленися!»
 Ей не страшен отцов произвол.

У эстонки крепкое тело,
 У эстонки сильная душа.
 Ничего, что сегодня влетело,
 А все-таки жизнь хороша²¹.

Специфика образа Эстонии, созданного в русской лирике 1910-х гг., хорошо выявляется в сопоставлении стихотворений Сологуба с написанными в Эстонии стихотворениями Северянина, которые, несомненно, присутствовали в творческом сознании Сологуба. Так, в июле 1913 г. Сологуб писал Константину Александровичу Сюннербергу (Эрбергу):

Мы наслаждаемся северным летом, — хотя оно и «кариатура южных зим», но все же не лишено очарований и радостей, ибо для хорошего бога все времена года хороши, а мы нешто не боги? <...> Я сижу и работаю. <...> Маки у нас начали распускаться, а море наше лучше южных морей; оно, как говорит Иг<орь> С<еверянин>, — «Сканда, Дульцинея вод». Сканда — не от скандала, а от Скандинавии²².

И Анастасия Чеботаревская ссылалась на Северянина, говоря об Эстонии. Летом 1913 г. она писала своей приятельнице,

²¹ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 65.

²² РО ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 261. Л. 66.

Елене Гонзаго-Павличинской: «Живем теперь в Эстляндии, близ Балт<ийского> моря, в очень уединенном месте, где, по словам Игоря Северянина, “и глушь, и лень, и сон”»²³. В свою очередь, «эстонские» мотивы и образы лирики Сологуба так или иначе усваивались Северяниным.

Можно сравнить, к примеру, строки Сологуба: «Волна морская — веселый шум / Еще ль мне надо каких-то дум? / Опять ли буду умнее всех? / Ужель забуду, что думать — грех?» (27 июня 1913, Тойла) (Т. XVII. С. 232) и Северянина («У моря в липовой тени, / Стада на берегу. / Я не могу в такие дни / Работать, не могу! <...> Цвети, звени, пылай, мой сад, / Господь тебя храни! / Какие дни теперь стоят! / Ах, что это за дни!») («Поэза майских дней», май 1914, Тойла)²⁴.

Ср. у Сологуба: «Все эти ваши слова / Мне уж давно надоели. / Только б небес синева, / Шумные волны да ели...» (2 июля 1909) (Т. IX. С. 213); у Северянина («Только здесь, у прибой, заглушающего птичье / Незатейное пенье, озаряющее лес, / Познаю, просветленный, преимущество величья / Земноводной пучины над пучиною небес...») («Морская памятка», август 1912, Тойла) (С. 37).

Среди характерных черт природы и пейзажа Эстонии, представленных в стихотворениях Сологуба и Северянина, можно выделить: ветер, ручеек, речку, море, глину, лес, березки, поле, рожь, фиалки, маки, лесную или проселочную дорогу, пение птиц. Основной мотив — противопоставление естественной жизни в согласии с природой цивилизованной и во многом «искусственной» жизни города; ср. у Сологуба: «Господь прославит небо, и небо — благодать Божью, но чем же ты живешь? / Смотри, — леса и травы, и звери в темном лесе, все знают свой предел, <...> Учись у Божьих птичек, узнай свою свободу, стремленье и предел» (10 июня 1913, Тойла. Дорога) (Т. XVII. С. 195), или: «Веет ветер мне навстречу, / Вещий, вечный чародей. / Он быстрее лошадей / Веет, светлый, мне

²³ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 4. Л. 5.

²⁴ Северянин И. Сочинения. С. 38. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

навстречу. / Что ж ему противоречу / Тусклой жизнью площадей?» (2 июня 1913. *Тойла — Иеве. На извозчике*) (Т. XVII. С. 114); у Северянина: «Послушай, девочка льняная, / Не удивляйся ничему: / Жизнь городская жизнь больная, / Так что ж беречь ее? к чему?» («К Альвине», январь 1918, *Петроград*) (С. 77).

При всем образно-тематическом сходстве стихотворений Сологуба и Северянина, творческие установки поэтов, пытающихся передать своеобразие прибалтийской природы, разные. У Сологуба — это прежде всего простота и точность: «Оттого так прост и ясен / Ваш состав, мои стихи, / Что слагались вы сами, / А не я вас сочинял (7 июля 1914)²⁵; или: «Я — такой же вестник Бога, / Как и всякий, кто поет. / На пути стихи слагаю, / Нынче здесь и завтра там» (9 июля 1914, *Тойла — Силламяги. Дорога*)²⁶. В стихотворениях, посвященных Эстонии, нашли отражение изменения, произошедшие в художественной манере Сологуба в 1910-е гг. Эти изменения прежде всего выразились в переходе к разговорной интонации, редком и очень продуманном употреблении эпитетов и метафор²⁷. Для передачи «неяркой», но «светлой» красоты эстонской природы (именно так и определяет ее Сологуб) данные творческие установки оказались как нельзя более подходящими.

Большинство стихотворений, созданных Сологубом во время отдыха в Эстонии, вошли в XVII том его собрания сочинений 1913–1914 гг. Том имеет название «Очарования земли», в котором также отразился новый этап в мировосприятии Сологуба. У поэта появилась вера в возможность, пусть ненадолго, обрести рай на земле, вновь обрести утраченный мир чистоты и детства. И обретение этой веры во многом было связано с любимой Тойлой, где были написаны такие строки:

Купол церкви, крест и небо,
И вокруг печаль полей, —

²⁵ Русская мысль. 1917. № 2. С. 1.

²⁶ Сологуб Ф. *Алый мак*. Книга стихов. М., 1917. С. 166.

²⁷ Подробнее см.: Дикман М. И. Поэтическое творчество Федора Сологуба // Сологуб Ф. *Стихотворения*. Л., 1975. С. 62–68.

Что спокойней и светлей
 Этой ясной жизни неба?
 И скажи мне, друг мой, где бы
 Возносила святей
 К благодатным тайнам неба
 Сказка легкая полей!
 (Т. XVII. С. 46)

Образ родной его сердцу эстонской природы остался в лирике Сологуба как символ хрупкости и непостоянства любой идиллии:

Вот так придешь и станешь на камнях над рекою,
 Глядишь как удит рыбу эстонское дитя,
 Как воды льются, льются, журча и шелестя.
 Пласты лиловой глины нависли над рекою,
 А сердце, — сердце снова упоено тоскою,
 И бьется в берег жизни, тоской своей шутя.
 Стоишь, стоишь безмолвно над быстрою рекою,
 Где тихо струи плещет эстонское дитя.
7 августа 1913
Тойла
 (Т. XVII. С. 102)

Изысканная простота стихотворений Сологуба контрастирует с вычурностью и декоративностью текстов Северянина. В качестве примера можно сравнить строки из стихотворения Сологуба «За оградой гасли маки...» и из стихотворения Северянина «Поэза голубого вечера». У Сологуба: «Наша лошадь не спешила, / Наш извозчик был не рьян, / Из широкого кадила / Еле зримый плыл туман. / Кольхая мглу ночную, / Травки стали на поля, / Землю темную, родную / Небу светлому хваля»²⁸; и у Северянина: «Мы ехали с тобою в бричке / Широкою и столбовой. / Порхали голубые птички. / Был вечер сине-голубой. / Из леса выбежала речка / И спряталась, блеснув хвостом. / О, речка, речка — быстротечка! / О, призрак, выросший кустом!» (С. 52). Стоит отметить, что Сологуб в некоторых своих «эстонских» стихотворениях иронически обыгрывает северянинские неологизмы и «красивости». Например:

²⁸ Сологуб Ф. Алый мак. С. 165.

Обдувайся, одуванчик,
Ты, фиалочка, фиоль,
Боль гони ты, гоноболь,
Развевайся, одуванчик,
Ландыш, дай росе стаканчик,
Мак, рассыпья, обезволь.
Разлетайся, одуванчик,
Ты, фиалочка, фиоль.

2 июня 1913

Пустомержа. У Игоря Северянина

(Г. XVII. С. 177)

Если в лирике Сологуба Эстония — это мир природы, «сказка легкая полей», то у Северянина (особенно в его лирике 1910-х гг.) — это сказочный мир «Скандо-Балтии, невесты Эрика», мир «пресветлой Эстляндии царицы Балтийской». Общение с эстонской природой и людьми, живущими и работающими на земле, становится для лирического героя Сологуба источником обретения мудрости и самоиронии. Для лирического героя Северянина — это прежде всего возможность уйти в мир грез. К примеру, в «Эстляндской поэме» он восклицает: «О, сказанья про Ингрид! О, Норвегии берег! О, Эстляндские зори! / Лишь в Эстляндии светлой мне дано вас увидеть наяву! наяву!» (С. 42).

Органичность при передаче красоты эстонской природы в лирике Сологуба подтверждается сопоставлениями с лирическими произведениями эстонских поэтов, с которыми русская читающая публика впервые знакомилась в основном по переводам Северянина. С одной стороны, в эти переводы, выполненные по подстрочникам его жены Фелиссы Круут, Северянин привнес некоторые специфические особенности своего оригинального творчества. С другой стороны, в них, пожалуй, в большей степени прослеживается ориентация на лирику Сологуба 1910-х гг. и на его сборники начала 1920-х гг.: «Небо голубое», «Одна любовь», «Свирель. Русские бержереты». Здесь получили развитие тенденции, впервые обозначенные, в частности, и в «эстонских» стихотворениях Сологуба, — по словам Михаила Кузмина, «то просветление и умиротворяю-

щая мягкость, что начались уже с “Очарований земли”»²⁹. Сравним, например, строки Сологуба: «Что может быть лучше дороги лесной / В полуденной, нежно-спасающей мгле! / Свой дух притаился здесь в каждом стволе. / Что может быть лучше дороги лесной, / Особенно в полдень румяной весной, / Когда еще холод таятся в земле! / Что может быть лучше дороги лесной / В спасающей, милой, полуденной мгле! (18 июня 1913, *Тойла – Иеве. Дорога*) (Т. XVII. С. 26), и строки из переводов Северянина в его антологии «Поэты Эстонии»: «Как ходить приятно / Вечером по полю! / Сердце ощущает / Благостную волю. <...> Ручеек чуть ропшет, / Где скала отлога. / Восхвали всем сердцем / Бесконечно Бога!» (Михкель Веске. С. 272), «Воспоминание»: «Ты помнишь ли, когда в лесочке / Ходили вместе на заре: / Пел соловей, цвела у кочки / Фиалка в росном серебре?» (Пеэтер Якобсон. С. 286); «На лесной дороге»: «Брожу я вечером поздним / Лесною дорогой один. / И ветер шумит в деревьях, / И падают листья с вершин» (Карл Эдуард Сёэт. С. 303).

Как неоднократно отмечено в исследовательской литературе, Северянин очень свободно обращался с первоисточниками, его переводы из эстонских поэтов можно назвать скорее переложениями, и возможно, что именно в стихотворениях Сологуба он нашел образно-тематический, лексический и интонационный строй, отвечающий его переводческой стратегии 1920-х гг. — дать русскому читателю общее представление об эстонской поэзии.

²⁹ Кузмин М. Проза. Berkeley, 2000. Т. XII. С. 220. О сборниках Ф. Сологуба «Одна любовь», «Небо голубое», «Свирель. Русские бержереты» см.: *Левицкий А. А., Мисникевич Т. В.* «Злополучная мысль» или «мудрая простота»? (к творческой истории книги Федора Сологуба «Свирель. Русские бержереты») // *Русская литература.* 2004. № 3. С. 175–186.